

КЕН ДЖАВОРОВСКИ

КУДА
МЫ ДЕНЕМ
ТЕЛО?

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д40

Ken Jaworowski
WHAT ABOUT THE BODIES
Copyright © Ken Jaworowski, 2025
All rights reserved

Настоящее издание выходит с разрешения *Sterling Lord
Literistic, Inc.* и *The Van Lear Agency LLC*

Перевод с английского Михаила Загота
Серийное оформление и оформление обложки
Татьяны Гамзиной-Бахтий

Джаворовски К.

Д40 Куда мы денем тело? : роман / Кен Джаворовски ;
пер. с англ. М. Загота. — М. : Иностранка, Издатель-
ство АЗБУКА, 2026. — 352 с. — (Убийство в кармане).

ISBN 978-5-389-28388-6

В умирающем городке американского «Ржавого пояса» переплетаются истории трех персонажей. Карла, мать-одиночка, отчаявшаяся вырваться из порочного круга бедности, готова поставить на кон все, лишь бы помочь сыну скрыть ужасную тайну. Рид, юноша-аутист, должен во что бы то ни стало сдержать обещание, данное недавно погибшей матери. Лиз, начинающей певице кантри, наконец улыбается удача, но она знает, что обречена, если не отдаст долг безжалостному бандиту. Этот стремительный неонуарный триллер с живыми, вызывающими сопереживание героями собрал восхищенные овации как читателей, так и критиков.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

© М. А. Загот, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-28388-6

КАРЛА

Однажды, когда я была еще девочкой, отец взял меня с собой на ипподром. Мама лежала в больнице с очередной кистой яичника, и мой папаша — пьяница, украсивший нам жизнь разве что своим отъездом из города пару лет спустя, — не собирался сидеть дома с детьми или тратить свое драгоценное безработное время на посещение больной жены. Не лучше ли отправиться туда, где скачут лошади и льется дешевое пиво?

Оценив первые три заезда, в четвертом он сделал ставку, отнюдь не на фаворита, а на конягу, внешне ничем не отличавшегося от своих собратьев.

— Почему именно на него? — спросила я.

Отец выпустил струю дыма, подавил отрыжку, потом глянул на меня сверху вниз.

— Победителя всегда видно у стартовых ворот, — сказал он. К его теплому и влажному дыханию примешивался запах ментоловых сигарет и дешевого пива.

Прозвучал гонг, и ворота распахнулись. Выбранная отцом лошадь вылетела вперед, будто ей подожгли хвост, и за весь заезд ни разу не усту-

пила лидерство. Она мчалась, все больше опережая остальных, и отец ревел, даже не замечая, что пиво выплескивается из стакана у него в руке прямо мне на голову. Через десять минут он получил 556 долларов и, полупьяный, отвез нас домой, не пристегиваясь ремнем безопасности. На обратном пути он поделился своей мантрой еще несколько раз и радостно хихикал, полностью уверенный в своей правоте.

Он, конечно, ошибался. По крайней мере, на счет «всегда». Мне сорок пять, и за эти годы я видела всякое: и безнадежных неудачников, которым удавалось перевернуть свою жизнь, и таких, кто рано пришел к успеху, но потом испортил все, до чего смог дотянуться. Но все же в его словах есть немалая доля истины. Для большинства из нас то, кем мы стали, мало отличается от того, кем мы были в начале.

Могу сказать, что уверенно распознать победителя на старте мне довелось лишь однажды.

Мой сын Билли родился желтушным хилляком. Но когда его тощее тельце положили мне на руки, я разразилась радостным смехом, потому что сразу все поняла. Неважно, что за ним стояли поколения разрушенных домов, разбитых носов и незапланированных беременностей. Все это — и многое другое — было неважно.

Поверьте, как только я его увидела, мне сразу все стало ясно.

С тех пор ничто не поколебало эту уверенность. Ни заикание, которое делает его речь бессвязной и приводит к глупым недоразумениям. Ни этот бессердечный городок, который изо всех сил пытался отравить его мечты. Ни обанкротившаяся школьная система с хулиганами, которые издевались над сыном, не давая ему открыть свой шкафчик. Нет. Мой единственный ребенок, чувствительный, но внутренне сильный, терпеливо сносил все невзгоды. А потом, набычившись, прошел сквозь этот строй и в итоге вырвался из Локсбурга, штат Пенсильвания, чего безуспешно добиваются многие, включая меня.

Вчера вечером Билли вернулся домой из Массачусетского технологического института, где осваивает программирование. Он закончил первый курс и задержался еще на месяц в кампусе, где возникла вакансия в компьютерной лаборатории. Получает полную стипендию — боже мой, я практически дрожу, повторяя эти два изумительных слова, а также три великолепных инициала, МТИ, — но при этом редко упускает шанс пополнить сбережения, которые накопил, подрабатывая с двенадцати лет.

Я встретила его с радостью, как и всегда, но в этот раз примешивались и эгоистичные соображения: как-никак, бесплатный помощник. Я переоборудую старый амбар под ресторан, который планирую открыть через четыре месяца.

ца, но нипочем не уложусь в срок, даже если назначить торжественное открытие через год. Осенью Билли вернется в МТИ, и к тому времени надо сделать все — от шлифовки деревянных полов у входа до установки вытяжных вентиляторов в кухне. Он уже сделал электронную систему заказов и выставления счетов. Написал программу за полдня. Платный специалист ковырялся бы две недели.

Ресторан — это моя надежда на то, что я смогу изменить свой облик у стартовых ворот, смогу добиться чего-то, чего не добилась к сорока годам. Когда отец бросил нас, мы с мамой скитались по центральной Пенсильвании, она подрабатывала везде, где пригодились ее навыки: мыть полы и заправлять кровати, а также все делать вовремя. Я начала работать официанткой еще в старших классах, ухаживала за мамой, когда у нее начались проблемы со здоровьем, потом сошлась с парнем, Эриком, которого собиралась бросить, а потом смыться из этого захолустья. Но когда до побега оставалось два дня, тест на беременность показал плюс. А через три месяца сбежал уже сам Эрик. Кажется, ошивается где-то в Огайо. И я так и осталась в Локсбурге.

Все эти годы прошли как во сне: днями трудишься официанткой, вечерами возишь Билли в Харрисбург, на сеансы к логопеду, чтобы не запустить болезнь, — полтора часа в каждую сто-

рону. Самое главное — старалась быть ему другом, ведь друзей у него почти не было.

И вот, когда мне перевалило за сорок, а Билли собрался поступать в колледж, я поняла: уплывает мой последний шанс. Если ничего не менять — останусь здесь навсегда.

Поэтому я оформила кредит, купила амбар с каменными стенами плюс два акра земли, на которых он стоит, и начала строительство. Попутно бросила курить, коротко остриглась и занялась бегом для здоровья. Чем больше я меняла в своей жизни, тем больше менялась сама.

Я преисполнилась решимости стать другой, не той, кем была у стартовых ворот.

Утром я постучала к Билли, вошла в его спальню и застала его за ноутбуком. Ничего удивительного. Он открыл электронную версию «Локсбург лидер» и читал статью о годовщине со дня исчезновения Дорин Шиппен. Я читала эту же статью в газете, которую вчера мне бросили на подъездную дорожку. Почти все в радиусе пятидесяти миль одержимы этой историей, и «Лидер» не упускает повода подлить масла в огонь и публикует письма от доморощенных детективов-любителей, выдвигающих свои теории. Обычно в них фигурирует бывший кавалер Дорин, который, насколько известно, видел ее последним. Не удивлюсь, если окажется, что Билли проводит собственное рас-

следование. Тайны всегда его занимали. Он вообще человек любознательный. И эта его черта мне нравится.

Дорин ходила в нашу местную школу вместе с Билли и остальными, и на всех старых фотографиях в газете она, кажется, вот-вот комично закатит глаза или ляпнет что-то, желая шокировать фотографа. Дочь матери-одиночки, к тому же часто отсутствовавшей, Дорин исчезла через неделю после окончания школы. Сначала решили, что она просто куда-то уехала, но вскоре всплыли факты, которые свидетельствовали об обратном: скудная сумма на ее банковском счете не изменилась, а все вещи остались у нее в спальне. Согласно записям телефонных разговоров, сделанным в вечер исчезновения, последний звонок был адресован ее бывшему парню, ставшему наркотороделом. Но полиция не нашла достаточно улик, чтобы в чем-то его обвинить — кроме нарушения условий досрочного освобождения, за которое его задержали.

— Грустно, — сказала я, глянув через плечо Билли на экран.

— Ч-что-нибудь слышно о д-деле? — спросил он.

— Прочти статью, — предложила я.

— Уже прочел, — сказал он. — М-может, ходят какие-то с-слухи?

— Вроде бы нет, — сказала я. — Смотри, чтобы тебя это не затянуло. У тебя своих забот хватает, учеба и так далее. И мне нужна твоя помощь. Вставай. Едем в амбар.

Мы приехали раньше обычного, и Нестор уже ждал на месте, попивая немислимую кофейную бурду, купленную в долларовом магазине и заваренную в грязном кофейнике. Я наняла Нестора за довольно большую для меня сумму, на доллар выше минимальной зарплаты, наличными и без оформления. Он работает почти вдвое больше, чем я ему плачу, мол, рад быть занятым, потому что уже пять лет как на пенсии. Думаю, ему просто хочется смыться от жены, по поводу которой он не упускает случая поворчать.

В этот день планировалось закончить отделку столешниц в открытой кухне, где гости будут видеть языки пламени вокруг сковородок из нержавеющей стали и исходить слюной от шипения жарящегося мяса. По крайней мере, я на это надеялась.

— Привет, Карла. Привет, Билли, — воскликнул Нестор. Билли в знак приветствия поднял растопыренную ладонь — если фразу можно заменить жестом, им он и ограничивается. Мы приступили к работе и вошли в ритм, переговариваясь жестами и ворчанием — нашей азбукой Морзе, которая сводит к минимуму разговоры и оставляет больше времени для работы. Через

два часа Билли остановился, будто с другого конца комнаты к нему прилетела неожиданная идея. Он задумался, внимательно оглядел помещение.

— Мам? Откуда у тебя деньги на все это?

— Я думала, ты знаешь. Помимо кредита и сбережений, я заложила дом.

— Зачем?

— Чтобы получить деньги.

— А если это не... понимаешь? Ч-что с-случится с нашим домом?

— Билли, все будет хорошо.

Я хотела этим и ограничиться, но долго сдерживаемая правда вырвалась наружу. Не сдержавшись, я выпалила:

— Мне сорок пять. Если не сделаю этого сейчас, то закончу жизнь очередной провинциальной неудачницей.

— Ты не провинциальная н-неудачница.

— Знаю, что ты так считаешь. И люблю тебя за это. Но...

Так хотелось, чтобы он, или хоть кто-нибудь, понял, каково мне. Понял, как тоскливо бывает порой, когда я думаю обо всем, чего так и не сделала, а это относится почти ко всему, потому что достижения мои близки к нулю. Ни путешествий. Ни денег. Ни образования. Думала рассказать ему о том, как в детстве по глупости считала себя особенной, мол, если не смогу покорить весь мир, то хотя бы добьюсь достойной ничьей.

Когда вспоминаю планы, идеи и энергию, какими когда-то обладала, мне становится не по себе — вон как все обернулось. И меня охватывает меланхолия и накатывает депрессия, которая может длиться несколько дней.

Но разве можно по-настоящему, глубоко понять чужую жизнь? Все нюансы, воспоминания, секреты и мечты, накопленные за секунды, минуты, часы, дни, месяцы и годы?

Поэтому я сказала:

— Билли, я просто не хочу умереть официанткой, у которой не хватило духа рискнуть.

Он помолчал, обдумывая мои слова, потом натянуто улыбнулся и кивнул. Мы молча вернулись к работе.

Через десять часов мы закончили все дела, за одним исключением — это потом, когда появится нужный инструмент. И еще одну штуку надо заменить — сделаем, когда привезут новую. Нестор составил список дел, не столько сократив его, сколько расширив. Потом мы втроем закончили день, как и начали — вскинув вверх руки и вместо доброго утра пожелав друг другу спокойной ночи. Нестор сказал, что задержится кое-что доделать, а потом все запрет. Еще одна отговорка, лишь бы подальше от жены.

Дома я приготовила лингвини с песто, помидорами и сыром — блюдо, которое планирую подавать в ресторане. От щелчка конфорки до пода-

чи на стол — четырнадцать минут. Конечно, пасту и песто я сделала еще вчера, и они ждали своего часа в холодильнике. Тем не менее. Нельзя сказать, что ждать пришлось долго, да и результат — хоть фотографируй. Но Билли почти не посмотрел на еду. Очистил тарелку, пробормотал «спасибо»... И это все? Ни комплимента, ни даже «м-м-м», вот свиненок! И пошел к себе наверх.

Через полчаса, когда я была еще на кухне, он вернулся — даже не переодевшись, хотя я слышала, что шумел душ, и волосы были мокрыми.

— Ты даешь! Принял душ и снова надел не-свежее?

Билли взглянул на свою одежду, будто только что заметил. Так оно и было. Он недоуменно уставился на меня. Даже смутился. Было в его взгляде что-то еще, что я не смогла с ходу расшифровать, и этого «чего-то» было много, он явно расстроился. Только это я и поняла.

— Сядь, Билли, — попросила я.

— Не х-хочу.

— Что случилось?

— Д-д... Д-д... — Слово застряло у него в горле. Я не стала его выручать. Видимо, он хотел сказать «давай помогу» — может, стало стыдно, что оставил меня одну мыть посуду? Как обычно, я ждала, пусть вытолкнет все нужные слова сам.

Наконец он сказал:

— Дорин.

— Дорин Шиппен?

Он кивнул.

— Меня тоже это волнует. Кто знает, что с ней случилось. Ты почему о ней думаешь?

— Она з-закопана у нас во дворе, — сказал Билли.

РИД

Я смотрел в окно, когда Грег вошел, сел на мою кровать и вздохнул, как он часто вздыхает. Подождал полминуты, потом сказал:

— Ты все время был здесь.

Я ничего не ответил, потому что он ничего не спросил.

— Ты не мог спуститься вниз? — спросил Грег.

Это был вопрос. Но я все равно промолчал. В принципе, спуститься я мог. Но не хотел.

— Это были похороны нашей мамы, — заметил он.

— Нет, не похороны, — возразил я. — На похороны я ходил. Это были поминки. Так что ты не прав.

Грег снова вздохнул.

— Даже малыш Джимми вышел, сидел с милым видом, всем пожимал руки. А ему всего пять.

Я промолчал.

— Ты постеснялся? — спросил Грег.

Я ничего не ответил. За окном птица слетела с дерева, которое мама посадила двадцать лет назад, когда отец погиб при взрыве на химзаводе

в Локсбурге, я был еще маленький. «Я поливала это дерево своими слезами», — говорила мама, и долгое время я ей верил, но однажды сказал: «Думаю, это неправда. В слезах мало влаги, ими дерево не польешь». И мама сказала: «Милый. Не думала, что ты воспримешь это буквально. Это ведь поговорка. Но иногда мне кажется, что так оно и было. Понимаешь меня?» Я не понимал и честно сказал «нет», на что она слегка улыбнулась и сказала: «Ну и ладно. Надеюсь, никогда не поймешь».

— Надо поговорить, — сказал Грег, и это означало, что говорить будет он, а я должен буду молча слушать.

Он поднялся с кровати. Я все еще смотрел в окно. Окно моей комнаты выходило на задний двор, и на траве лежали окурки, четыре — это гости выходили на улицу покурить. Это были не мамины окурки. Она всегда складывала их в жестянку из-под кофе, выкурив сигарету под завязку, пока не начинал гореть фильтр. Потом смотрела на окурочек, в котором уже не оставалось табака, и говорила: «Хорош до последней капли!»¹ и гоготала. Кто-то назвал бы это смехом, но это был гогот. Мне нравится это слово, «гогот». Увы, услышать, как она гогочет, мне уже не придется.

¹ Рекламный слоган кофе «Максвелл хаус». — *Здесь и далее прим. перев.*

— Ты помнишь, — начал Грег, — наш разговор пару лет назад? Когда ты, я и мама сели поговорить о том, что будет, когда она умрет?

Я помню этот разговор. Мама тогда выздоровела после пневмонии и сказала, что нужно уладить кое-какие дела на тот случай, если она снова заболеет и уйдет из жизни. Я сидел за кухонным столом, а мама и Грег разговаривали. Мама сказала, что Грег должен продать дом и оставить деньги себе, но часть денег надо пустить на то, чтобы куда-то пристроить меня. «Поговори с миссис Солтер насчет ее меблированных комнат, — сказала мама Грегу. — Она любит Рида и с радостью сдаст ему комнату». Грег кивнул и сказал маме, что это хороший план. Он будет заглядывать ко мне каждый день и проверять, как у меня дела. Мама согласилась и заключила: «Значит, решено».

Но, судя по всему, после смерти мамы у Грега возник другой план.

— Я обещал маме, что позабочусь о тебе, так и собирался поступить. Но тогда все было по-другому. А сейчас все изменилось, верно?

Я промолчал, хотя думал сказать ему, что все постоянно меняется, будь то через два года или две миллисекунды. Это доказано наукой.

— Тогда я думал снять для тебя комнату у миссис Солтер, чтобы она за тобой приглядывала, а я бы заходил раз в день.

— Ты это и обещал маме.

— Знаю. Но миссис Солтер переезжает и продает дом. Она собирается переехать к сыну в Шамокин. К тому же, когда мы об этом говорили, я был женат на Мэгги.

— Ты и сейчас женат на Мэгги.

— Она уехала в прошлом году, с тех пор я ее не видел.

— Почему она уехала в прошлом году?

— Такие вопросы задавать невежливо.

— Ты как-то сказал, что мы можем спрашивать друг друга обо всем.

— Почти обо всем.

— Так бы и сказал: Рид, мы можем спрашивать друг друга почти обо всем.

— Не надо учить меня, как говорить.

«Наверное, надо», — уже хотел сказать я, но решил, что он только разозлится, и смолчал.

— Короче, Мэгги здесь больше нет, а у меня дел по горло: малыш Джимми, работа. А теперь нет и мамы. Так что... не знаю, что делать, Рид. Думаю, что...

Весь этот разговор заставлял меня сильно нервничать, я даже стал затыкать пальцами уши и раскачиваться взад-вперед. Но потом перестал и положил руки на колени: вспомнил слова мисс Барбары, школьного психолога, сказанные два года назад, когда я был старшеклассником. Она сказала, что, если сильно нервничаешь, надо по-

стараться вести себя так, будто не нервничаешь, и прикинуть, как можно изменить положение к лучшему. И я сказал Грегу:

— Я могу жить здесь. Когда мама уезжала, я часто оставался один.

— Не можешь. Этот дом разваливается. На него уходит куча денег...

— Я зарабатываю деньги.

— Ты упаковщик в супермаркете, Рид.

— Могу найти еще одну работу.

— Не можешь. Программа, которая оплачивает твою работу, покрывает только двадцать часов в неделю.

Я ничего не ответил.

— Есть... — Он начал говорить, но остановился, и я понял, что не хочу это слышать, поэтому снова зажал пальцами уши. Я слышал, как Грег говорит, и стал раскачиваться взад-вперед и напевать, чтобы ничего не слышать.

В детстве Грег никогда меня не дразнил. Просто не замечал меня и часто делал вид, будто не знает, кто я такой. Будто мы не были родными братьями. Однажды я шел по Карлайл-стрит и подошел к углу. Грег ехал в машине с девушкой, и они остановились на светофоре, прямо рядом со мной. Я сказал: «Привет, Грег» и поднял руку. Но он продолжал смотреть прямо перед собой, ждал, когда зажжется зеленый свет. Сигнал поменялся, и он тут же уехал. Девушка посмо-

трела на него, потом на меня и, похоже, удивилась, почему он не поздоровался со мной в ответ.

Услышав, что в комнате тихо, я вынул пальцы из ушей.

— Ты должен слушать, — сказал Грег через некоторое время. — Есть одно место в Питтсбурге. Оно для тех, у кого отклонения. Я нашел в интернете. Покажу тебе. По-моему, это отличный...

Я снова засунул пальцы в уши. Слово «Питтсбург» резануло по ушам. Мама однажды взяла меня туда, и я этот город возненавидел, все эти машины, гудки и...

Грег взял меня за локоть и потянул. Палец выскочил из уха.

— Слушай меня! — крикнул он.

— А-а-а-а-а! — взвыл я в ответ. Потом снова: — А-а-а-а-а!

Грег встал, и я перестал кричать. Потом успокоился и сказал «извини», мне и правда хотелось извиниться. Не люблю кричать. Но я все равно был расстроен. Поэтому, чтобы не кричать, я надавил на глубокий порез на предплечье, который получил несколько дней назад. Боль помогла отвлечься от мыслей о Питтсбурге.

Потом кое-что пришло мне в голову.

— Я могу жить с тобой, — сказал я Грегу. И добавил: — Пожалуйста.

— Как с тобой разговаривать, Рид? Ты кричишь и...

Литературно-художественное издание / Өдeби-көркeм басылым

КЕН ДЖАВОРОВСКИ
КУДА МЫ ДЕНЕМ ТЕЛО?

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Александр Александров
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Антонина Филимонова, Антонина Семенова

Подписано в печать / Баспаға кол койылды 23.12.2025.
Формат издания 70 × 90 1/2. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 12,87. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА*, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — ИНОСТРАНКА* тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. ш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т. ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12-14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12-14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в Акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaomprk.ru, тел.: 8(49564) 28-619

R-PED-37404-01-R